

Дискуссии и обсуждения

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАСПАДЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДНОСТЕЙ

(ФРАНКСКАЯ НАРОДНОСТЬ)

А. П. Левандовский

Среди проблем, затронутых в ходе дискуссии по теории нации, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории», особое место занимает вопрос предыстории нации. Первоначальные этнические элементы, их схождение и разделение, консолидация и ассимиляция, наконец, становление первых устойчивых этнических общностей — таковы главные и тесно связанные между собой сюжеты, которых не может миновать ни один исследователь, занимающийся историей народов в эпоху докапиталистических формаций. Нам представляется, что именно сейчас будет своевременно напомнить и о генетической предшественнице нации — народности, которой сравнительно не повезло в нашей литературе¹. Вопрос о сложении и развитии народности как определенной этнической категории, соответствующей конкретному этапу развития человеческого общества, очень важен. Изучение процессов, связанных с жизнью народности, необходимо уже потому, что категория эта отвечает по крайней мере двум большим историческим эпохам — античности и средневековью. Жизнь человечества в эти периоды являлась по преимуществу жизнью различных народностей (наряду с которыми существовали и более ранние по времени сложения этнические общности — племена). Кроме того, поскольку исторически народность предшествует нации, изучение жизни той или иной народности должно помочь исследователю, занимающемуся проблемами соответствующей нации.

Чем определяется формирование народности в период ее зарождения и начального развития? Ответ на этот вопрос дал Ф. Энгельс. В труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», рассматривая изменение общественного строя греков, римлян, кельтов, германцев, он попутно касается тех условий, при наличии которых из племен родового общества складываются народности. Весьма существенным из таких условий является консолидация прежних племен в более крупные организации — племенные союзы. «Союз родственных племен, — писал Ф. Энгельс, — становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа». Консолидации племен соответствовала и концентрация общественной власти; прежние родовые органы постепенно преобразовывались, затем и вовсе

¹ См. А. Д. Люблинская. К вопросу о развитии французской народности. «Вопросы истории», 1953, № 9; А. П. Левандовский. Об этническом составе империи Каролингов. «Вопросы истории», 1952, № 7; Б. А. Рыбаков. Древние русы. «Советская археология», т. XVII, 1953; Б. О. Долгих. Некоторые данные к истории образования бурятского народа. «Советская этнография», 1953, № 1 и др.

отмирали; все более возрастала власть военного вождя союза племен, опиравшегося на дружину. «Военный вождь народа... становится необходимым, постоянным должностным лицом»².

Таким образом, зарождению народности, возникновению ее из племени соответствовал особый переходный строй, который Ф. Энгельс называл военной демократией и который, по существу, был зачаточной формой государства. Изменения, происходившие в жизни общества, являлись неизбежным следствием гибели родового строя и возникновения новой общественной формации — первого классового общества. Характеризуя родовую организацию, Ф. Энгельс указывал, что начало ее разложения было связано с возникновением союза племен: «Дальше племени она не пошла; образование союза племен означает уже начало ее разрушения»³. Итак, важнейшим условием зарождения народности являлись разложение родового строя и связанной с ним родовой и племенной организации, возникновение классового общества с соответствующей ему новой политической организацией — государством.

Уже при своем зарождении народность характеризуется возникновением некоторых единств, которые отсутствовали или были крайне слабыми в предшествующий, родоплеменной период. К числу таких единств принадлежит, как отмечал Ф. Энгельс, сложение единой территории народности. Сложение языка народности, пришедшего на смену племенным языкам, было другим единством, выступившим и как результат начального этапа формирования народности и как фактор ее дальнейшего развития. Важную роль играло формирование нового этнического сознания — сознания принадлежности к своей народности, рассматриваемой как некое единство. Наконец, в основе всего процесса лежало развитие экономического единства, выражавшееся в общности хозяйственного уклада и экономических связей объединившихся племен. По мере дальнейшего развития народности, с ростом производительных сил общества, с появлением новых форм общественного разделения труда и т. п. все эти единства росли и укреплялись, в свою очередь, способствуя консолидации народности. Самый беглый анализ предпосылок и факторов развития народности дает нам возможность поставить общий вопрос о существовании понятия «народность» как особой общественно-этнической категории, соответствующей определенному этапу в развитии человеческого общества. Мы можем с уверенностью сказать, что народность представляет собой стадию развития этнических общностей, расположенную между племенем и нацией, что народности присущи единства, свойственные нации, но не получившие еще полного развития, ибо последнее характерно для вполне определенного исторического периода — периода капитализма. Однако рассмотрение истории различных конкретных народностей показывает, что выясненные положения еще не определяют народности полностью во всем ее историческом многообразии. Между отдельными народностями существуют весьма значительные различия, отнюдь не позволяющие считать народности явлениями абсолютно однотипными.

Так, оказывается, что одни народности (к таким относятся все античные и часть средневековых, например, чехи, поляки, древнерусская) возникли непосредственно из слияния племен на основе разложения родоплеменных отношений; другие же — преимущественно средневековые народности (например, англичане, французы, испанцы) — образовались из более ранних народностей в процессе распада или ассимиляции последних. Народности первого типа в ходе своего зарождения и начального развития характеризуются особенностями, которые подобны рассмотренным выше. В дальнейшем, в зависимости от складывающегося

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 164.

³ Там же, стр. 99.

общественного базиса, такие народности развивались либо как рабовладельческие (в древности), либо как феодальные (в средние века). Народности второго типа, будучи при своем зарождении всецело связанными с факторами, которые обусловили исчезновение народностей, их породивших, начинали свое развитие не с племенного уровня, а как бы продолжали путь предшествовавших им народностей в условиях классового общества. При определенных условиях народность должна преобразоваться в нацию. Но далеко не все народности достигли этого. Многие из них в силу тех или иных причин исчезли прежде, чем успели превратиться в нацию. Так было со всеми античными народностями и с рядом средневековых, таких, например, как франкская, провансальская, англо-саксонская, и многие другие. Однако и в этом случае народность не просто исчезает с лица земли. Например, античные римская и галло-романская народности сыграли значительную роль в процессе формирования средневековых итальянской и французской народностей; древнегреческая народность — в процессе формирования средневековой греческой народности и т. п.

Из изложенного видно, что как при зарождении, так и при исчезновении народности определяющую роль играли либо формационные изменения, либо какие-то этнические процессы внутри данного общества. В первом (классическом) случае, к которому относятся приведенные выше высказывания Ф. Энгельса, гибель одной формации и рождение другой вели к исчезновению одних этнических общностей и к появлению новых: с зарождением рабовладельческой или феодальной формаций возникали античные или средневековые народности, с гибелью феодализма и сложением капиталистического строя исчезали средневековые народности и развивались буржуазные нации. Во втором же случае дело обстоит значительно сложнее. Здесь исследователь, исходя из марксистско-ленинской методологии, должен всякий раз изучать конкретные особенности и условия гибели одной народности и сложения новой, причем эти условия оказываются настолько многообразными и несовпадающими, что на современном этапе исследования проблемы разработка какой-либо типологии подобных процессов представляется преждевременной. Наше внимание в этом плане особенно привлекает франкская народность, возникшая на заре средневековья и прекратившая свое существование через два с лишним века с тем, чтобы уступить место новым, более устойчивым народностям средневековой Западной Европы. Динамика становления и распада франкской народности дает яркий пример диалектического единства двух, казалось бы, противоположных процессов: этнической консолидации и этнического разделения. В настоящей статье сделана попытка проследить с учетом высказанных выше положений генезис франкской народности и выявить своеобразие ее исторической судьбы.

Термин «франки» появился впервые в источниках III века н. э. Историки много и бесплодно дискутировали об этимологии этого слова. Много споров вызывала также сущность этнической группы, получившей имя франков. Совершенно очевидным является лишь тот факт, что областное имя «Francia» и, соответственно, этнический термин «франки» в III—начале IV в. прилагались к территории, расположенной вдоль нижнего Рейна, и к германским племенам, населявшим эту территорию: хаттам, хамавам, тенктерам, бруктерам, марсам, сугамбрам и другим. «Франки,— писал Ф. Энгельс,— представляют обособленную группу германцев, расчлененную на ряд различных племен, и говорят на особом диалекте, распадающемся на разнообразные наречия»⁴. Что же это

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 489—490. Германским языкам посвящено также исследование Ф. Энгельса «Франкский диалект», помещенное в том же томе (стр. 518 и сл.).

была за «обособленная группа»? Анализ социально-экономических условий «варварской» периферии Римской империи дает нам общий ответ на этот вопрос. В период III—IV вв. в связи с ростом производительных сил в обществе древних германцев старые родовые отношения начали разлагаться, усиливалась имущественная дифференциация, возрастало значение войны, которая «ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»⁵. Старые племена начинали постепенно консолидироваться в более значительные объединения — племенные союзы. Так, уже в более раннее время возникли свевский или маркоманнский союзы племен; так возник аламаннский союз. Такого же, по-видимому, происхождения и франков — племенного союза, выросшего на базе объединения ряда других, более древних племен. О том, что франки представляли из себя именно подобный союз племен, убедительно свидетельствует тот факт, что в начале его существования более общий этноним «франк» вовсе не исключал употребления старых племенных названий, ставших по отношению к нему частными («сугамбр», «хамав» и др.). Правда, франкский союз не отличался особенной прочностью; отдельные племена часто действовали самостоятельно; кроме того, франки, по крайней мере с IV в., разделялись на салических и рипуарских. Но подобная непрочность была характерна и для других племенных союзов этого периода.

Ответить на вопрос о территории, занимаемой франками до начала их завоеваний, можно лишь очень приблизительно. Сопоставляя и комбинируя крайне скупые сведения источников III—IV вв., можно заключить, что франки к началу IV в. расселялись на территории вдоль правого берега Рейна, от впадения в него Майна до моря. Салические франки, впрочем, уже в III в., а возможно, и раньше, переходили на левый берег Рейна и занимали нижнее течение этой реки, так же, как и нижнее течение Мааса. К IV в. относится продвижение франков в глубь северной Галлии; этого продвижения не могли приостановить энергичные контрмеры римской администрации, и к началу V в. франки прочно удерживали территории вплоть до рек Соммы и Самбры на юге. Территория вдоль Шельды и нижних течений Мааса и Рейна стала, таким образом, историческим ядром будущего франкского государства. Интересно отметить, что воспоминание об этом сохранится надолго: в IX в. источники будут называть эту территорию «Древней Францией» («Francia Antiqua») ⁶.

Ф. Энгельс очень четко определил неразрывную связь между территориальной и этнической общностями, складывавшимися в период оседания германских племен на землю: «Каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников... Более близким по родству крупным группам доставалась определенная область, в пределах которой опять-таки отдельные роды, включавшие определенное число семей, селились вместе, образуя отдельные села. Несколько родственных сел составляли «сотню», ...несколько сотен образовывали округ (Gau); совокупность этих округов составляла самый народ»⁷. Сказанное Ф. Энгельсом полностью относится и к франкам в период их

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 164.

⁶ Именно здесь помещает «Францию» как область франков так называемая Певтингера таблица; см. E. Desjardins. La table de Peutingers. P. 1896; K. Miller. Weltkarte des Castorius. Stuttgart. 1888. Как показывают специальные исследования, эта область была районом сплошных франкских поселений. Здесь на протяжении многих последующих веков господствующее значение сохранял немецкий язык. Ср. A. Pirenne. Histoire de Belgique. T. I. Bruxelles. 1900; G. Kurlh, La frontière linguistique en Belgique et dans le nord de France. P. 1895. Территория «Francia Antiqua» лучше всего показана в атласе: K. Spruner, Th. Menke. Hand-Atlas. Gotha. 1880, № 30, S. 15.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 330.

расселения на территории «Francia Antiqua». Действительно, именно в этот период — на рубеже V и VI вв., — согласно данным Салической правды⁸ и другим немногочисленным источникам этого времени, у франков наряду с появлением государства оформлялись определенные единства, характеризующие народность. Сюда относится в первую очередь сложение единой этнической территории. Одновременно с этим среди племен, составлявших франкский союз, усиливалось сознание общей для них этнической принадлежности. Если раньше, как мы отмечали, еще существовали старые племенные названия («сугамбр», «хамав» и др.), то в VII—VIII вв. они совершенно исчезают. В таких источниках, как «Продолжатели Фредегара», «Анналы Франкского королевства» или капитулярии Карла Великого, термин «франк» вполне точно обозначает этническую принадлежность его носителя: «франк» определенно противопоставляется здесь «аламанну», «лангобарду», «фризу» или представителю иной этнической группы⁹. И главное, именно в это время складывались те формы экономического единства франков, которые проявлялись в единстве их земельных распоряжений, в аллодиальной системе и прекарных отношениях, в стабильности хозяйственных правил, зафиксированных уже в Салической правде и многократно повторенных в экономическом законодательстве Карла Великого. Так, на основе растущего экономического и политического сплочения нижнерейнских германских племен параллельно возникновению франкского государства складывалась и франкская народность.

Однако условия формирования франкской народности были весьма специфическими: оно происходило в ходе агрессивной, завоевательной деятельности королей и магнатов, в процессе роста крайне пестрого по своему социальному и этническому составу государства, в пределах которого сами франки составляли меньшинство, удельный вес которого тем сильнее сокращался, чем значительно расширялось их государство. Уже в правление Хлодвига в начале VI в. территория собственно «Франции», или «древней Франции» — области сплошных поселений франков, — составляла не более четверти государства. К 768 г. в пределы государства франков входили романизированные галлы и ряд германских племенных групп: фризы, тюринги, аламанны, бургунды, отчасти бавары и вестготы. Карл Великий своими войнами увеличил эту разнородность: он завоевал саксов, совершил подчинение баваров, включил в состав франкской державы народности северной и средней Италии (лангобардов и остатки остготов), басков юго-западной Галлии, бриттов восточной Бретани, население западного и юго-западного пограничья славянских земель. Таким образом, государство франков в начале IX в. мало походило на прежние «варварские» королевства. Оно соединяло в себе несколько таких королевств и по размерам приближалось к старой Западной Римской империи. Его границы простирались от Эбро до Салы и Чешского леса и от Шлезвига до Беневента.

Разумеется, в процессе роста франкского государства в VI—VIII вв. должна была увеличиться и область этнического расселения франков. Однако это увеличение отнюдь не было пропорциональным расширению государственной территории; вряд ли завоеватели полностью освоили даже территорию «государства Сиагрия», захваченную Хлодвигом

⁸ См. «Lex Salica». P. 1843; «Lex Salica». Киев. 1906; русские переводы: «Салическая правда». Под ред. Н. П. Грацианского. Казань. 1912; «Салическая правда». Под ред. В. Ф. Семенова. М. 1950.

⁹ См. «Fredegarii Continuatio. Monumenta Germaniae Historica». Script., I. Hannover. 1835. 126—218; «Annales regni Francorum, qui dicuntur Annales Laurissenses majores et Einhardi»; «Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte». Bd. I. В., о. D. «Capitularia regum Francorum». Hannover. 1883. Небезынтересно отметить, что, например, сакс, даже долгое время проживший на франкской территории, в окружении франков, считался чужеземцем, равно как и его потомство. См., например, A. Kleinclausz. Charlemagne. P. 1934, pp. 147—148.

в 486 году. Правда, к VIII в. их поселения стали доходить до Сены, но к югу от Сены этих поселений было значительно меньше, а за Луарой их уже насчитывались единицы¹⁰. Франки прочно осели таким образом лишь на землях северо-восточной Галлии, ко времени их прихода сильно опустошенных предшествующими вторжениями. Что же касается других завоеванных областей, обладавших ко времени франкского вторжения более густым населением, то здесь расселение завоевателей-франков было незначительным, причем короли и магнаты придерживались в этих областях довольно осторожной политики: они в основном захватывали лишь земли прежнего императорского фиска, не посягая при этом ни на владения католической церкви, ни на земли галло-римских владельцев поместий¹¹. Источники этого времени четко выделяют область «Francia», увеличившуюся территориально по сравнению с «Francia Antiqua» и простирающуюся теперь от Луары и Ла-Манша до среднего течения Рейна и Майна. Эта «Франция» противопоставляется в источниках Аквитании, Бургундии, Аламании и прочим, несмотря на то, что все эти области также входили в состав франкского государства (Regnum Francorum), причем в каролингский период «Франция» уже фигурирует в источниках не просто как некая неопределенная область, а как «провинция». Чтобы понять, что представляла из себя эта «провинция Франция», необходим краткий экскурс в область территориального деления франкского государства при Каролингах.

Империя Каролингов объединяла ряд племенных германских образований и территорию, частично входившую прежде в состав Западной Римской империи. Ее территориальная организация строилась на базе областной и сотенной организации германцев, с одной стороны, и прежней римской административной и муниципальной системы — с другой. Вся территория империи разделялась на графства, существенно различавшиеся по своим размерам и в основном соответствовавшие ранее возникшим территориальным делениям в тех областях, которые заново включались в состав франкского государства¹². Церковные деления (епископства, архидиаконии) в значительной части совпадали со светскими. Графства объединялись в более крупные территориальные единицы, частично существовавшие уже и в меровингский период, — «провинции». Термин «provincia» и определяемая этим термином территория в каролингский период не имели чисто административного значения, но и не означали просто географического понятия: каждая «провинция» представляла собой исторически сложившуюся область, имевшую в основе элементы экономического или этнического единства. Помимо упоминавшейся выше «провинции Франция», всего во франкском государстве насчитывалось 9 таких «провинций»: 4 на территории Галлии (Аквитания, Септимания, Бургундия, Прованс) и 5 на территории Германии (Фризия, Саксония, Тюрингия, Аламания, Бавария). Италия лежала вне этой системы «провинций», охватывающих Галлию и Германию¹³.

¹⁰ Интересная схема распространения франкских поселений дается в атласе: F. Schradeg. Atlas de géographie historique. P. 1896, № 17. Большие материалы собраны в фундаментальном труде A. Longnon. Géographie de la Gaule au VI-e siècle. P. 1878.

¹¹ Некоторые из этих территорий, уже входивших в состав франкского государства, меровингские короли рассматривали как объект периодического грабежа. Это в первую очередь относится к Аквитании, которую при разделах обычно делили на лоскутья, служившие придатками к другим областям, и на территорию которой нередко вводили войска как в неприятельскую страну.

¹² В галльских областях эти деления назывались «паги», в германских — «гау». Источники свидетельствуют о том, что Карл Великий каждую вновь присоединяемую территорию делил на графства.

¹³ Марки (Испанская, Бретонская, Паннонская, Фриульская) не входили в число провинций; это были чисто административные деления наподобие графств. Гасконь,

Каждая из «провинций» имела, конечно, свои внутренние особенности, свою специфику. При этом, однако, если не принимать во внимание второстепенные моменты, то по главным внутренним признакам все эти «провинции» можно разделить на три основные группы: 1. «Провинции», где утратилась определенная племенная принадлежность, области, где старые племенные перегородки уже давно стерлись под влиянием «романизации», проявившейся не только в господстве провинциальных наречий латинского языка, но и в устойчивости внутреннего уклада, сложившегося под влиянием старого Рима, прежде всего в виде преобладания крупного землевладения и колоната. Подобные условия стимулировали ускоренный процесс феодализации этих областей. К этой категории относится большинство «провинций» южной Галлии: Аквитания, Септимания, Прованс. 2. «Провинции», представлявшие собой обособленные области, заселенные определенной племенной группой или группами и возникшие в результате оседания на данной территории целого племенного союза или нескольких этнически близких племен. Завоеванные в разное время франками, эти области продолжали сохранять отмеченную выше специфику. Их племенной характер в значительной степени был обусловлен их социально-экономическими особенностями: во всех указанных областях развитие феодальных отношений проходило замедленным темпом, некоторые же из них только еще вступали на путь феодализации, сохраняя много особенностей старого родоплеменного уклада. К числу таких «провинций» относятся все без исключения области Германии: Аламания, Бавария, Саксония, Тюрингия, Фризия. 3. «Провинции», занимавшие среднее место между двумя намеченными выше категориями, области, где динамика смешения германских и романских этнических элементов была связана с подобной же неоднородностью в социально-экономическом развитии. Провинцией такого рода была Бургундия.

«Провинция Франция» играла особую роль среди других областей франкского государства. Ее основное ядро — «древняя Франция» была родиной франкской народности, ее пределы в основном соответствовали пределам расселения этой народности в ходе разрастания франкского государства. Однако уже в VI—VII вв. «Франция» отнюдь не представляла полного внутреннего единства. В процессе завоевания франками и их расселения по территории северо-западной Галлии (Neustria) франки-завоеватели неминуемо стали обособляться от франков, оставшихся на своих коренных территориях (Austrasia). Смешиваясь с местным галло-романским населением, они образовали ту группу «западных франков», которые уже в источниках меровингской эпохи начинают противопоставляться «франкам восточным» (вместо прежнего деления на франков салических и рипуарских). Установить границу между Нейстрией и Австразией на основании отдельных актов VI—VII вв. едва ли возможно, да вряд ли вообще такая граница существовала в эту эпоху как нечто постоянное. Нам думается, что она была столь же неопределенной, как неопределенным было этническое разграничение между западными и восточными франками. Самое большое, что можно сделать, — это указать ядро той и другой области. Таким ядром, основной частью Нейстрии, были бассейны рек Соммы и Сены, Австразии — бассейны нижнего и среднего Рейна и Майна. При Каролингах «Франция» территориально не увеличилась. Источники по-прежнему делили ее на Нейстрию и Австразию, рассмат-

лишь номинально зависевшая от франков, также не считалась провинцией. Связь Италии с остальными частями франкского государства была крайне слабой, и источники постоянно противопоставляют Галлию и Германию (в сумме) Италии. В 781 г. Карл Великий вынужден был дать Италии статус королевства. В этническом отношении северная и средняя Италии представляли страну, населенную романской народностью с примесью германского (лангобардского) элемента на севере.

ривая восточных и западных франков как основное ее население. Здесь, в этой «Франции», сосредоточивались все земельные богатства Карла Великого, здесь же, в самом центре ее, была основана столица — Ахен. Но социально-экономические и этнические процессы по-разному протекали в двух частях «Франции» в течение полутора веков власти Каролингов. «Переворот в аграрных отношениях», о котором писал Ф. Энгельс¹⁴, чрезвычайно интенсивное развитие феодальных отношений нашли свое место прежде всего на территории Нейстрии, все более в этом контрастировавшей с Австразией, в первую очередь с ее восточной частью, где феодализация имела особенно замедленный характер. Нейстрия по темпам и уровню своего внутреннего развития приближалась к другим «провинциям» Галлии, в то время как восточные районы Австразии стояли ближе к Аламании или Баварии. Вместе с тем усиливались и этнические различия между западными и восточными областями «Франции». В Нейстрии западные франки все более ассимилировались местным галло-романским населением, постепенно утрачивая свои этнические особенности¹⁵. В центральной части «Франции», в областях между Маасом и Рейном, процесс ассимиляции шел значительно слабее, в восточных, зарейнских областях Австразии он и вовсе не имел места¹⁶.

Чрезвычайно показательным является тот факт, что истоки каролингского периода, сохраняя старое деление «Франции» на Нейстрию и Австразию, вместе с тем ввели в обиход и совершенно новое ее деление на три части: «*Francia Occidentalis*», «*Francia Media*», «*Francia Orientalis*». Насколько можно судить по современным, крайне скудным географическим указаниям, «*Francia Media*» включала в свой состав области, лежавшие между Рейном и Маасом и далее, к западу от Мааса. Это деление каролингской «Франции» как бы предопределяло характер ее последующего распада, как и распада самой франкской народности.

Империя Карла Великого, созданная путем завоевания, не могла быть прочной. Из всего вышеизложенного видно, что в ней не было ни внутреннего этнического единства, ни общей экономической базы: каждая из территорий, населенных определенными племенными группами или народностями, жила своей внутренней жизнью и без постоянного военного и административного принуждения, не подчинялась власти завоевателя. Именно поэтому Карл Великий и провел всю свою жизнь в походах то в Аквитанию, то в Саксонию, то в Италию, то в Баварию, каждый раз, как вставала реальная угроза отпадения данной территории. Однако примитивные правительственные средства не отвечали сложности внутренней обстановки империи. С течением времени удерживать завоеванные племена и народности становилось все труднее. Феодализовавшийся административный аппарат империи узурпировал свои должности, стремясь захватить в собственные руки земли и людей, вверенных его контролю. Ослабевала и армия: бенефициарии также превращались в феодалов, стремились попрочнее осесть на ранее захваченных землях и установить непосредственные вассальные связи с крупными титулованными феодалами-иммунистами, минуя центральную власть. В этих условиях непрочные внешние связи, соединявшие

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 495 и сл.

¹⁵ В частности, в Северной Нейстрии постепенно складывался так называемый романский валлонский диалект.

¹⁶ Интенсивность процесса ассимиляции определялась уровнем социально-экономического развития тех народов, которые ассимилировали франков, а этот уровень у галлов был значительно выше, чем у германского (как и франки) населения Австразии. Этим и объясняется внешне парадоксальное явление быстрого растворения западных франков среди галлов и долгого сохранения восточных франков в качестве самостоятельной этнографической группы среди однородного с ними населения зарейнских областей Австразии.

отдельные части империи, должны были разорваться, что и произошло два с лишним десятилетия спустя после смерти завоевателя.

Однако разрыв этих связей не мог чисто механически вновь разделить все те этнические общности, которые сложились в течение нескольких веков. К прошлому возврата быть не могло. Это делал возможным и самый факт существования (хотя и кратковременного) каролингской империи, своей административной системой и единой военной организацией объединявшей население отдельных областей («провинций» или, вернее, групп «провинций»), что при слабости экономических связей имело особенное значение. Действительно, именно в системе империи усилились консолидация и объединение, с одной стороны, «провинций» Галлии, с другой — Германии и сплочение этнических элементов той и другой групп провинций. Раннефеодалная каролингская империя, ликвидировавшая племенные княжества и объединившая образовавшиеся на племенной основе общности, способствовала слиянию этих общностей. Процессы этнической консолидации, шедшие внутри племен и народностей, искусственно соединенных в рамках империи, имели своим результатом появление определенного нового качества, ставшего ощутимым и зримым, когда империя распалась. С победой центробежной силы, развалившей империю, на свет выступили центостремительные силы, создавшие новые народности в обособившихся частях империи. Ф. Энгельс, оценивая итоги исторического развития Западной Европы с VI в. по IX в., писал: «Какими бесплодными ни представляются эти четыреста лет, они оставили *один* крупный результат: современные национальности, новое формирование и расчленение западноевропейской части человечества для грядущей истории»¹⁷.

После многолетних междоусобных войн в 843 г. империя была разделена на три большие части: Западно-франкское королевство (к западу от Шельды, Мааса и Роны), Восточно-франкское королевство (к востоку от Рейна и к северу от Альп) и странное по своей причудливой конфигурации, вытянувшееся изогнутой лентой от Северного моря до южной Италии «промежуточное» государство Лотаря. Верденский договор 843 г. по своему характеру глубоко отличался от других подобных актов первой половины IX века. Это не просто разделение империи между тремя членами каролингской династии, а в известной мере подведение итогов многовековых этнических процессов внутри франкской империи. В недрах племен и народностей, временно слитых в ее составе, шли процессы сложения новых народностей: северо-французской — в западной части Галлии, немецкой — в стране к востоку от Рейна, итальянской — на территории Апеннинского полуострова. Процессы эти, приведшие впоследствии к формированию соответствующих наций, были, конечно, еще очень далеки от завершения, и, например, жители «западной Франции» в Южной Галлии еще долго считались чуть ли не иностранцами¹⁸. И, однако, наличие этих процессов в IX в. несомненно; об этом свидетельствует, между прочим, появление накануне Верденского договора замечательного памятника старо-французского и старо-немецкого языков, — так называемой «Страсбургской клятвы»¹⁹.

Если сравнить территории, выделившиеся в 843 г. по Верденскому разделу, с этническим разграничением «провинций» франкской империи, то нетрудно убедиться в почти полном — с крайне незначительным ко-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 154.

¹⁸ Конечно, еще более чуждыми были такие области, как Бретань или Гасконь. Обо всем этом см. Ш. Пти-Дютайи. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. М. 1938, стр. 8 и сл.

¹⁹ Это взаимная клятва Карла Лысого и Людовика Немецкого, произнесенная на двух языках; текст см.: Nithardi. Historiae. III. «Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte». Ier Teil. В., о. D., p. 440.

личеством исключений — совпадении первого со вторым. В состав западнофранкского (французского) королевства вошли прежде всего Аквитания, Септимания, западная часть Бургундии, «западная Франция» (большая часть Нейстрии), то есть прежние галло-романские области и часть каролингской «Франции», население которой говорило на романском диалекте. В состав восточнофранкского (Германского) королевства вошли «восточная Франция» (восточная часть Австразии), Саксония, Тюрингия, Аламания, Бавария, то есть территории, населенные преимущественно германскими племенными группами; позднее к ним присоединилась и Фризия. В состав так называемого «государства Лотаря», этого, по существу, среднефранкского государства, если оставить в стороне Фризию, о которой сказано выше, и Италию — совершенно чужеродную другим областям и вскоре окончательно от них отделившуюся, — вошли «средняя Франция», Эльзас и большая часть Бургундии, то есть территории со смешанным романо-германским населением.

Два первых подразделения — Французское и Германское королевства, а также отделившаяся от «государства Лотаря» Италия превратились в дальнейшем в более или менее устойчивые феодальные государства с формирующимся единством территории и языка. Оставшаяся часть «государства Лотаря» — промежуточная зона между Францией и Германией — не обнаружила такой устойчивости. Распавшись позднее на Арелатское королевство и Лотарингию, она стала ареной борьбы между разделенными ею государствами. Понадобились века, чтобы часть этих областей соединилась с Францией, часть с Германией²⁰.

После распада державы Каролингов термин «Франция» в значительной мере утратил свой первоначальный этнический смысл: «Францией» еще долго называли северную часть западнофранкского королевства, «восточной Францией» — по-прежнему восточную часть Австразии, вошедшую в состав Германии. Последняя вскоре превратилась во Франконию. Лишь столетие спустя название «Франция» окончательно закрепилось за территорией французского королевства²¹. Распад, а затем и исчезновение с карты Европы «провинции Франции» означали распад, а затем и исчезновение франкской народности. Ей было суждено, таким образом, разделить судьбу своей этнической территории, а также и государства, в рамках которого она складывалась и развивалась.

Возникшая на стыке германского и романского миров, отличающаяся различным уровнем развития производительных сил, различным социальным укладом и состоявшихся из разных этнических элементов, франкская народность не могла сохранить устойчивости, ибо внутренняя жизнь ее развивалась в условиях непрерывной взаимосвязи с этими двумя мирами. Поддаваясь влиянию других народностей Галлии и Германии, складывавшихся в процессе становления феодального общества и ставших этнической основой новых феодальных государств, в которых, несмотря на раздробленность и многоплеменность, уже в IX—X вв. вырисовывались тенденции внутреннего единства, франкская народность, оказавшаяся разорванной на части этими новыми народностями, сыграла свою роль в процессе их окончательного формирования.

²⁰ К Франции в течение последующего времени (до середины XVII в.) отошли Прованс, большая часть Бургундии, часть Эльзаса; к Германии — Фризия, Лотарингия и другая часть Эльзаса. «Лотарингская проблема» — борьба между Францией и Германией за полное присоединение Лотарингии — была одной из острейших политических проблем не только в средние века, но и в новое время. На территории прежней Нижней (северной) Лотарингии и Фризии образовались Нидерланды, на территории восточной Бургундии и западной Аламании — Швейцарский союз.

²¹ Впервые в документах выражение «Regnum Francia» (вместо прежнего «Regnum Francorum») появляется в X веке.